

УДК 821.161.1

DOI 10.30914/2072-6783-2022-16-2-252-258

ПОНЯТИЕ «СОВЕСТЬ» КАК ЦЕННОСТНАЯ НАТУРФИКАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА

И. П. Карпов, Р. А. Кудрявцева

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Обыденный человек, кроме слов с прямым значением, обслуживающих его непосредственные нужды, употребляет и ценностные слова и понятия, такие, как «прекрасное», «безобразное», «добро», «зло», «гармония», «совесть» и другие. Что делает автор как субъект литературно-художественной деятельности с ценностными натурфикациями? Ответить на этот вопрос было целью наших наблюдений над функционированием слова-понятия «совесть» в произведениях А. С. Пушкина. **Материалы и методы.** «Совести», сегодня именуемой в лингвокультурологии концептом, посвящено немало исследований, наиболее плодотворные представлены в аспектах логического анализа языка. Другое направление исследований определяется задачей понять особенности художественного мира. В нашем случае – значения понятия «совесть» для авторского мировидения и миропонимания. Мы, занимая логическую позицию, все-таки ориентируемся на автора и на литературно-художественное произведение как поэтическую реальность. Мы подходим к «совести» как ценностному понятию чисто логически, мысля в пределах аналитического метода: субъект деятельности – деятельность (средства деятельности) – предмет деятельности. **Результаты исследования, обсуждения.** Ценностные понятия содержат в потенции свое противоположное содержание (добро – зло), поэтому альтернативное мышление понимается нами в строго логическом смысле – как специфика любого суждения, которое или утверждает наличие чего-либо, или отрицает. Ценностные слова, с одной стороны, указывают на предмет, с другой – на личностную основу своего значения, на оценку: добрый человек – не вообще добрый, а для кого-то, в восприятии кого-то. В качестве исходного материала мы берем два монолога – Бориса Годунова и Скупого рыцаря, проводя наблюдения над альтернативностью мышления и конфликтностью, ценностной натурфикацией «совесть» и системой «автор и персонаж», натурфикацией и семантическим полем, натурфикацией и образом. **Заключение.** В художественном тексте автор иллюстрирует возможность человеческого мышления бесконечно употреблять ценностные слова и ценностные понятия, потому что автор наделяет ими персонажей, которые выступают как обыденные субъекты, используют ценностные натурфикации как интуитивно ясные. Ценностные натурфикации наделяются метафорическими предикатами, часто сами выступают в роли метафор. Благодаря развернутой предикации, ценностные натурфикации могут включать в себя огромное количество самых невероятных смыслов (сравнение совести с ведьмой, «От коей меркнет месяц и могилы / Смущаются и мертвых высылают...»). Ценностные натурфикации, существуя в системе альтернативного мышления, определяют конфликтную и шире образную структуру произведения. В нашем конкретном случае натурфикация «совесть» выводит автора (А. С. Пушкина) и нас, читателей, на проблему роли совести в жизни человека.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, ценность, натурфикация, совесть, автор, онтология субъективности предикация, альтернативное мышление

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Карпов И. П., Кудрявцева Р. А. Понятие «совесть» как ценностная натурфикация в произведениях А. С. Пушкина // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16. № 2. С. 252–258. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-2-252-258>

THE CONCEPT OF “CONSCIENCE” AS A VALUE NATURIFICATION IN THE WORKS OF A. S. PUSHKIN

I. P. Karpov, R. A. Kudryavtseva

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. Introduction. An ordinary person, in addition to words with a direct meaning that serve his immediate needs, uses value words and concepts such as beautiful, ugly, good, evil, harmony, conscience and others. What does the author, as a subject of literary and artistic activity, do with value naturifications? To answer this question was the purpose of our observations on the functioning of the word-concept “conscience” in the works of

A. S. Pushkin. *Materials and methods.* A lot of research has been devoted to “conscience”, today called a concept, the most fruitful ones are presented in aspects of logical analysis of language. Another area of research is determined by the task of understanding the peculiarities of the artistic world. In our case it is to understand the meaning of the concept of “conscience” for the author’s worldview and world understanding. Taking a logical position, we still focus on the author and on the literary and artistic work as a poetic reality. We approach “conscience” as a value concept purely logically, thinking within the analytical method: the subject of activity – activity (means of activity) – the object of activity. *Research results, discussions.* Value concepts potentially contain their opposite content (good – evil), therefore, alternative thinking is understood by us in a strictly logical sense – as the specificity of any judgment that either asserts the existence of something or denies it. Value words, on the one hand, indicate the subject, on the other – the personal basis of their meaning, the assessment: a kind person is not generally kind, but for someone, in the perception of someone. As a source material, we take two monologues – of Boris Godunov and of the Covetous Knight, making observations on alternative thinking and conflict, value naturification “conscience” and the system “author and character”, naturification and semantic field, naturification and image. *Conclusion.* In the literary text, the author illustrates the possibility of human thinking to endlessly use value words and value concepts, because the author gives them to characters who act as everyday subjects, use value naturifications as intuitively clear. Value naturifications are endowed with metaphorical predicates, often they themselves act as metaphors. Thanks to the detailed predication, value naturifications can include a huge number of the most incredible meanings (comparing conscience with a witch, “From which the moon and the graves fade / They get confused and send out the dead ...”). Value naturifications, existing in the system of alternative thinking, determine the conflicting and more broadly figurative structure of the work. In our particular case, the naturification of “conscience” brings the author (A. S. Pushkin) and us, the readers, to the problem of the role of conscience in human life.

Keywords: A. S. Pushkin, value, naturification, conscience, author, ontology of subjectivity, predication, alternative thinking

The authors declare no conflict of interests.

For citation: *Karpov I. P., Kudryavtseva R. A.* The concept of “conscience” as a value naturification in the works of A. S. Pushkin. *Vestnik of the Mari State University.* 2022, vol. 16, no. 2, pp. 252–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-2-252-258>

Введение

Литературно-художественное произведение есть отражение обыденной жизни людей в их обыденном употреблении языка, трансформированного законами поэтической реальности. Обыденный человек, кроме слов с прямым значением, обслуживающих его непосредственные нужды, употребляет и ценностные слова и понятия, такие, как «прекрасное», «безобразное», «добро», «зло», «гармония», «совесть» и другие. Что делает автор, когда вводит в текст ценностные слова и понятия? Не что делает персонаж, говорящий: «Когда бы все так чувствовали силу / Гармонии...» Он выступает субъектом обыденной логической деятельности, он употребляет слово «гармония» как интуитивно ясное.

Цель

Что делает именно автор как субъект литературно-художественной деятельности с ценностными натурфикациями? Ответить на этот вопрос было целью наших наблюдений над функциони-

рованием слова-понятия «совесть» в произведениях А. С. Пушкина – в системе альтернативного мышления.

Материалы и методы

«Совести», сегодня именуемой «концептом», посвящено немало исследований, наиболее плодотворные представлены в аспектах логического анализа языка [см., напр.: 3; 6]. Другое направление исследований определяется задачей понять особенности художественного мира. В нашем случае значения понятия «совесть» для авторского мировидения и миропонимания.

«В произведениях Пушкина художественно уловлена онтология совести», – писал наш современник, пушкинист В. С. Непомнящий, создавая критическую антологию этой онтологии, главное в которой совесть как «способность человека сознавать себя человеком – венцом, центром и целью Творения» [7, с. 375]. «Идеал для Пушкина – правда и чистая совесть, а трагизм в том, что человеческая практика расходится с

этим идеалом» [7, с. 98], – подчеркивал исследователь. В процитированном нами втором томе его трудов совесть и производные слова (совестливый, добросовестный, усостить...) употребляются более 200 раз.

Мы, занимая логическую позицию, все-таки ориентируемся на автора и на литературно-художественное произведение как поэтическую реальность [о поэтической реальности – см.: 10].

Ценностные понятия содержат в потенции свое противоположное содержание («добро» – «зло»), поэтому альтернативное мышление понимается нами в строго логическом смысле – как специфика любого суждения, которое или утверждает наличие чего-либо или отрицает.

Натурфикация – «наделение предметов мыслительной деятельности самостоятельными, существенными свойствами; понятие, обозначающее объект, на который переносятся свойства субъекта деятельности»¹. Проще говоря, натурфикация – это слово или понятие, которым приписывается возможность самостоятельного действия. Например, совесть *грызет*, совесть *очищает*.

Ценностные слова, с одной стороны, указывают на предмет, с другой – на личностную основу своего значения, на оценку: добрый человек – не вообще добрый, а для кого-то, в восприятии кого-то. Ценностные слова в наибольшей степени, чем все другие, указывают на автора высказывания, на объективацию экзистенциальных сил субъекта, о чем в свое время писал А. А. Потебня: «Практическое значение языкознания должно состоять в том, чтобы сообщить человеку убеждение в субъективном содержании слова и умение выделить этот элемент из объективного сочетания мысли и слова» [8, с. 206], «Слово для самого говорящего есть средство объективировать свою мысль» [9, с. 212].

Однако: «Нет правды на земле, но правды нет и выше» – в этом суждении правда является уже

эмпирической натурфикацией, потому что выступает предметом суждения. Чтобы понять ценностную проблематику, нужно учесть классификацию человека как субъекта практической и логической деятельности. Субъекты – практический, обыденный, эмпирический, теоретический, рефлектирующий – по-разному используют слова, в том числе и ценностные натурфикации, о чем писал современный философ-логик, предупреждая читателя: «В истории человеческой мысли постановка проблемы ценности является беспримерной по масштабам предпринятых усилий, а ее решение – беспримерным по масштабам бессмысленности и бесперспективности» [2, с. 13].

Результаты исследования, обсуждения

Ценностные слова и понятия имели в жизни человека всегда особое значение, так как в них концентрировались этические, эстетические, религиозные представления людей. Но имеют ли они какое-либо специфическое употребление в литературно-художественном произведении в отличие, допустим, от научного логического высказывания?

Мы уже указывали на потенциальность ценностной проблематики в художественном произведении и на формы ее актуализации: «Ценностная составляющая литературы скрыта в авторской концепции мира и человека, которая, в свою очередь, открывается через выстраивание писателем художественной реальности (миромоделирование), персонажной системы, характерологической, хронотической и повествовательной (взаимодействия субъектов сознания и речи) структуры» [5, с. 65].

Мы подходим к «совести» как ценностному понятию чисто логически, мысля в пределах парадигмы: субъект деятельности – деятельность (средства деятельности) – предмет деятельности.

В качестве исходного материала возьмем два монолога – Бориса Годунова и Скупого рыцаря.

«Борис Годунов»	«Скупой рыцарь»
<p>Ах! чувствую: ничто не может нас Среди мирских печалей успокоить; Ничто, ничто... едина разве совесть. Так, здравая, она восторжествует Над злобою, над темной клеветою. – Но если в ней единое пятно,</p>	<p>Кто знает, сколько горьких воздержаний, Обузанных страстей, тяжелых дум, Дневных забот, ночей бессонных мне Всё это стоило? Иль скажет сын, Что сердце у меня обросло мохом, Что я не знал желаний, что меня</p>

¹ Карпов И. П. Словарь авторологических терминов (Учебно-методический вариант): книга для учителей, студентов, преподавателей, аспирантов / Мар. гос. ун-т. 3-е изд., испр. и доп. Йошкар-Ола, 2012. С. 113.

Единое, случайно завелось,
Тогда – беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.¹

И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Займодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают?..²

1. Альтернативность мышления и конфликтность произведения.

Совесть мыслится автором в альтернативе добра и зла: совесть – то, что ставит человека в ситуацию выбора между добром и злом.

Борис Годунов: желание быть хорошим государем – но: убийство как путь к власти.

Скупой рыцарь: понимание, что если бы собрать всю кровь, пролитую за богатство, то он бы захлебнулся – и неудержимая страсть к богатству.

Альтернативность мышления оказывается в соответствии с конфликтностью литературно-художественного произведения.

2. Ценностная натурфикация «совесть» выступает в художественном произведении в системе «автор и персонаж».

Автор наделяет рассуждениями о совести персонажей, причем персонажей с нечистой совестью, т. е. совесть осмысливается при ее утрате, когда человек превращается в бессовестного человека.

К Борису Годунову и Скупому рыцарю здесь можно добавить Мазепу из «Полтавы» и Германа из «Пиковой дамы». Совесть не руководит их волей, Она оборачивается внутренней мукой, когда преступление уже совершено.

Иное дело Гринев, человек, живущий по совести. Гринев – Пугачеву:

«– Слушай, – продолжал я, видя его доброе расположение. – Как тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу... Но бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни слу-

чалось, каждый день будем бога молить о спасении грешной твоей души...»³.

3. Ценностная натурфикация и семантическое поле.

Слово «совесть» выступает в определенном семантическом ментальном поле, наряду со словами «честь», «душа», «сердце».

Годунов: *душа горит, сердце нальется ядом.*
Скупой рыцарь: *сердце обросло мохом.* И так далее.

4. Ценностная натурфикация и образ.

Ценностная натурфикация в художественном тексте может быть самыми различными способами метафоризирована и персонифицирована.

Совесть – *моровая язва, когтистый зверь, незванный гость, займодавец грубый* и даже *ведьма*...

Слово «совесть», будь оно обыденным словом или ценностным понятием, в художественном тексте несет на себе отблеск художественности, т. е. образности. И здесь проявляются авторские способности к языковой игре, к наделению слова все новыми и новыми смыслами.

В монологах Бориса Годунова и Скупого рыцаря заключается еще одно важное свойство, в котором выражается своеобразие литературно-художественного произведения (по сравнению с логическим высказыванием). Если становление художественного сознания шло по пути от образа к понятию, сошлемся на известную работу Г. Гачева [4, с. 69–75], то этот путь в обратном порядке фиксирует художественное произведение: разложение понятия на образные элементы. Только совесть может успокоить человека среди мирских печалей, она торжествует над злом, но запятнанная совесть ведет к беде, такая совесть – моровая язва... «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста» – монолог Скупого рыцаря будто продолжает воссоздавать образ совести, теперь совесть – и *когтистый зверь*, и *докучный собеседник*, и *займодавец грубый*...

¹ Пушкин А. Борис Годунов // URL: <https://ilibrary.ru/text/465/p.1/index.html> (дата обращения: 10.01.2022).

² Пушкин А. Скупой рыцарь (Сцены из Ченстоновой трагикомедии: The covetous Knight) // URL: <https://ilibrary.ru/text/466/p.1/index.html> (дата обращения: 10.01.2022).

³ Пушкин А. Капитанская дочка // URL: <https://ilibrary.ru/text/107/p.12/index.html> (дата обращения: 11.01.02).

Литературно-художественное произведение отражает весь путь образного и логического мышления, пройденный человечеством.

Думается, именно эти четыре момента: альтернативность мышления и конфликтность произведения, натурфикация «совести» в системе «автор и персонаж», семантические поля данной натурфикации и ее преобразование в образ – определяют специфику употребления ценностных слов и понятий в художественном тексте.

Но необходимо иметь в виду и следующие особенности существования ценностных натурфикаций в художественном произведении.

5. Каково бы ни было содержание понятия «совесть», внутри этого содержания всегда будет **указание** на душевное состояние человека или его благовидные или неблагоприятные действия, т. е. *ближайшим основанием употребления понятия будет обыденное действие в его личностной оценке.*

Младенческая совесть (стихотворение «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...») – указание на невинность, на душевную чистоту. *Змеиная совесть* – указание на хитрость, коварство Мазепы.

6. Понятию «совесть» приписывается **атрибут качества**. Какая бывает совесть: *здравая* («Борис Годунов»), *змеиная* (Мазепа, «Полтава»), *усталая* (Дон Гуан, «Каменный гость»), *докучная* («Братья разбойники»), *гневная* («Послание Дельвигу»), *доверчивая* («Евгений Онегин»), далее: *писательская, совесть цензора...*

7. Понятию «совесть» приписываются **атрибуты действия и воздействия** (что совесть может делать?): *успокоить* (среди мирских печалей), *торжествовать* (над злобою), *грызть* (сердце).

8. **Источником**, из которого черпает писатель как субъект обыденной словесной деятельности все смыслы и образы используемого понятия, является, конечно, **язык, фразеология**.

«Единое пятно» – *пятно на совести, запятнанная совесть*; «когтистый зверь, скребущий сердце» – *кошки скребут*.

Так же используются языковые модели: *сказать по совести, для очистки совести, на совести, по чистой совести, бежать от совести*.

Ю. Айхенвальд в начале прошлого века очертил основную проблематику совести в произведениях Пушкина.

«Знаменательно, что ей (совести. – И. К., Р. А.) Пушкин посвятил особенно много вни-

манія, много незабвенных стиховъ. Совесть *стучится* у него подь окномъ у крестьянина, который не похоронилъ утопленника; она въ черный день *просыпается* у разбойниковъ; докучный собесѣдникъ, она когтистымъ звѣремъ *скребетъ* сердце Скупого рыцаря и окровавленной тѣнью Ленскаго *стоитъ* передь Онѣгиннымъ; жалобной пѣсней русалки, бредомъ сумасшедшаго мельника она *тревожитъ* измѣнническое сердце князя; тяжелыми стопами Каменнаго гостя *приходитъ* она въ грѣховную душу Донъ-Жуана и въ звукахъ моцартовскаго Requiem'a *воляется* въ черную душу отравителя Сальери. Не самозванецъ, а совесть Годунова *облеклась* въ страшное имя царевича Димитрія, и вся жизненная драма Бориса зиждется на этой потрясенной совѣсти, которая молоткомъ *стучитъ* въ ушахъ упрекомъ и *наливаетъ* сердце ядомъ. Ничто не можетъ насъ среди мірскихъ печалей *успокоить*, ничто, ничто... едина развѣ совесть – это глубокое откровение жизненной правды, выраженное въ свѣтлыхъ образахъ искусства, составляетъ одинъ изъ главныхъ моментовъ пушкинскаго міросозерцанія.

Совесть *возстанавливаетъ* для поэта нарушенную цѣльность мірового добра» [1, с. 10].

В этом высказывании Айхенвальда интересно не только то, что говорится о Пушкине, но сам способ авторского мышления: выстраивая суждение, критик использует обыденную лексику, метафорическое словоупотребление, утяжеляя цитируемые натурфикации: совесть – *стучится, просыпается, скребет, стоит, тревожит, приходит, воляется, облекает, стучит, наливает, может успокоить, восстанавливает* («целостность мирового добра»).

Заключение

Ценностная натурфикация оказывается связанной с основными конфликтами, образной системой, т. е. она входит внутрь поэтической реальности на правах картины жизни.

Совесть как вещь, предмет, живое существо (стихия обыденных предписаний, где за предикатом скрыты атрибут и далее – в практической деятельности – свойство) – объективация личностных значений.

Художественный текст отражает, моделирует обыденную жизнь людей, а следовательно, иллюстрирует и весь контекст употребления

ценностных понятий. Именно иллюстрирует, не добавляя ничего нового к тому, как ценностное слово употребляется обыденным субъектом и как ценностное понятие употребляется субъектом эмпирической деятельности.

А именно, эмпирическая натурфикация создается таким же образом, как она создается и в любом логическом высказывании (суждении) – через предикацию.

В художественном тексте автор иллюстрирует возможность человеческого мышления бесконечно употреблять ценностные слова и ценностные понятия, потому что автор наделяет ими персонажей, которые выступают как обыденные субъекты, используют ценностные натурфикации как интуитивно ясные.

Ценностные натурфикации наделяются метафорическими предикатами, часто сами выступают в роли метафор.

Благодаря развернутой предикации ценностные натурфикации могут включать в себя огромное количество самых невероятных смыслов (сравнение совести с ведьмой, «От коей меркнет месяц и могилы / Смущаются и мертвые высылают...»).

Ценностные натурфикации, существуя в системе альтернативного мышления, определяют конфликтную и шире образную структуру произведения. В нашем конкретном случае натурфикация «совесть» выводит автора (А. С. Пушкина) и нас, читателей, на проблему роли совести в жизни человека.

1 Айхенвальд Ю. Пушкин. М. : Издание «Научного слова». 1908. 142 с.

2. Артсег. Трактат о «ценности» / научн. ред. С. Г. Чиликов. Йошкар-Ола: АФИТ, 1999. 222 с. (Русская аналитическая философия).

3. Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки славянских культур, 2000. С. 54–78. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28970546> (дата обращения: 09.01.2022).

4. Гачев Г. Г. Жизнь художественного сознания: очерки по истории образа. М. : Искусство, 1972. Часть 1. 200 с.

5. Кудрявцева Р. А. Методология литературно-художественной ценности // Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков: коллект. монография / Мар. гос. ун-т; сост. и ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2019. С. 65–70.

6. Кунавин Б. В., Тедеева И. К. Концепты «честь» и «совесть» в русской языковой картине мира // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 3. С. 183–189. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.4686849>

7. Непомнящий В. С. Собр. трудов: в 5 т. М. : Изд. цент МГИК, 2019. Т. 2. 718 с.

8. Потебня А. А. Слово и миф / сост., подгот. текста и примеч. А. Л. Топоркова; предисл. А. К. Байбурина. М. : Правда, 1989. 622 с.

9. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / подгот. текста Ю. С. Рассказова и О. А. Сычева; комментарии Ю. С. Рассказова. М. : Лабиринт, 1999. 300 с. URL: <https://studfile.net/preview/5970624/page:22/> (дата обращения: 10.01.2022).

10. Фёдоров В. В. Проблемы поэтического бытия: сб. работ по фундаментальной проблематике современной филологии. СПб. : Алетей, 2021. 602 с.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 21.03.2022; принята к публикации 12.04.2022.

Об авторах

Карпов Игорь Петрович

доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), kip52@yandex.ru

Кудрявцева Раисия Алексеевна

доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), kudsebs@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Aikhenvald Yu. Pushkin [Pushkin]. M., Edition of the “Scientific Word”, 1908, 142 p. (In Russ.).

2. Artseg. Traktat o «tsennosti» [A treatise on “value”]. Scientific ed. S. G. Chilikov, Yoshkar-Ola, AFIT Publ., 1999, 222 p. (Russian Analytical Philosophy). (In Russ.).

3. Arutyunova N. D. O styde i sovesti [About shame and conscience]. *Logicheskii analiz yazyka: Yazyki etiki* = Logical analysis of language: Languages of ethics, resp. editors: N. D. Arutyunova, T. E. Yanko, N. K. Ryabtseva, M., Languages of Slavic cultures Publ., 2000, pp. 54–78. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28970546> (accessed: 09.01.2022). (In Russ.).
4. Gachev G. G. Zhizn' khudozhestvennogo soznaniya: ocherki po istorii obraza [The life of artistic consciousness: essays on the image history]. M., Art Publ., 1972, part 1, 200 p. (In Russ.).
5. Kudryavtseva R. A. Metodologiya literaturno-khudozhestvennoi tsennosti [Methodology of literary and artistic value]. *Aksiological paradigm mariiskoi literatury XX–XXI vekov: kollekt. monografiya* = Axiological paradigm of Mari literature of the XX–XXI centuries: collective monograph, comp. and ed. R. A. Kudryavtseva, Yoshkar-Ola, Mari State University Publ. house, 2019, pp. 65–70. (In Russ.).
6. Kunavin B. V., Tedeeva I. K. Kontsepty “chest” i “sovest” v russkoi yazykovoi kartine mira [Concepts of “honor” and “conscience” in the Russian language picture of the world]. *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik* = Humanitarian Scientific Bulletin, 2021, no. 3, pp. 183–189. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.4686849>
7. Nepomnyashchiy V. S. Sobr. Trudov : v 5 t. [Collection of works: in 5 vol.]. M., MGIK Publ. center, 2019, vol. 2, 718 p. (In Russ.).
8. Potebnya A. A. Slovo i mif [Word and myth]. Comp., text prep. and note by A. L. Toporkov, foreword of A. K. Baiburin. M., Pravda Publ., 1989, 622 p. (In Russ.).
9. Potebnya A. A. Polnoe sobranie trudov: Mysl' i yazyk [Complete works: thought and language]. Preparation of the text by Yu. S. Rasskazov and O. A. Sychev; comments by Yu. S. Rasskazov. M., Labirint Publ., 1999, 300 p. Available at: <https://studfile.net/preview/5970624/page:22/> (accessed: 10.01.2022). (In Russ.).
10. Fyodorov V. V. Problemy poeticheskogo bytiya: sb. rabot po fundamental'noi problematike sovremennoi filologii [Problems of poetic existence: collection of works on the fundamental problems of modern philology]. SPb., Aleteya Publ., 2021, 602 p. (In Russ.).

The article was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 12.04.2022.

About the authors

Igor P. Karpov

Dr. Sci. (Philology), Professor, Mari State University, (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), kip52@yandex.ru

Raisiya A. Kudryavtseva

Dr. Sci. (Philology), Professor, Mari State University, (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), kudsebs@rambler.ru

All authors have read and approved the final manuscript.